

ВЕЩЬ В ИСТОРИИ / THING IN HISTORY

Парадоксальным образом, вещь в жизни и вещь в истории – это две совершенно разные вещи. Важность первой не только никем не отрицается, но и прекрасно осознается. Все понимают, что без и вне вещей жить нельзя. Со второй же, как правило, ситуация диаметрально противоположная. Мы знаем (или интуитивно чувствуем), что все исторические события и явления разворачивались и происходили на фоне и в контексте определенного вещного комплекса. Но сам этот комплекс – мир вещей прошлого – в лучшем случае привлекает внимание или как театральная декорация («домашний быт русских царей/цариц» и проч.) или как область научных интересов специализированного исследовательского сообщества – археологов, этнографов, исследователей материальной культуры. То, что делают люди, в итоге, оказывается никак не связанным с тем, что делают вещи, т.к. вещи, собственно, ничего и не делают – это один из центральных постулатов картезианства, вплоть до самого недавнего времени остававшийся базисом новоевропейской картины мира и карты его осмысления.

Современная ситуация приносит существенные изменения в такое понимание роли и места вещи в жизни людей и в их истории. Акторно-сетевая теория, объектно-ориентированная онтология, новый материализм, теория ассамбляжа – все эти влиятельные направления мысли предлагают принципиально иначе взглянуть на вещи и признают за ними определенную агентивность, субъектность, прежде остававшуюся прерогативой одного лишь человека. Такие парадигмальные изменения способствуют и тому, что в современной историографии с новой силой поднимается интерес к проблеме

«вещь в истории». Статьи, собранные в данной рубрике, не исчерпывают всего многообразия подходов к анализу проблемы, но намечают некоторые пути, которые могут быть полезны для более пристальной рефлексии вопроса. Редакция приглашает к продолжению дискуссии в следующих номерах.

* * *

Paradoxically, the thing in everyday life and the thing in history are two completely different things. Nobody denies the importance of the former. It is clearly impossible to live without things. As for the latter, the situation is the opposite. We know (or sense by intuition) that all historical events developed against the background and in the context of a certain complex of things. However, this complex — the world of the things of the past — attracts our attention at best as theatrical scenery (e.g., “domestic life of Russian tsars and tsarinas”) or as a research area of specialist communities — archeologists, ethnographers and students of artefacts. What people do is in no way related to what things do, since things do nothing — that is one the central postulates of Cartesianism, which until recently was the basis of the modern European view and understanding of the world.

In the contemporary world, the role and place of a thing in people’s life and history have essentially changed. Actor-network theory, object-oriented ontology, new materialism, assemblage theory — all these influential trends of thought suggest reconsidering things and acknowledging their agency, which used to be only a human being’s prerogative. Such paradigm changes have led to a new rise of interest for the problem of “the thing in history” in contemporary historiography. The papers in this section do not cover all the approaches to the problem but outline some potentially useful ways for a closer consideration of the issue. The editorial staff welcomes you to continue the discussion in the subsequent publications.